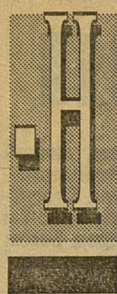

Гость 13-й страницы

Нина Николаевна, правильно ли называть вас драматургом?

- Я считаю себя и драматургом, и прозаиком, только мою прозу очень тяжело, трудно печатают до сих пор. К ней нужно привыкнуть. Пьесы тоже несколько лет не принимали, но испытывали к ним острый интерес. Сейчас проблем с ними нет, единственная - что постановки оставляют желать лучшего.

- Мне показались, ваши пьесы настолько самодостаточны, что они и не нуждаются в постановках, в режиссерских вольностях, иных трактовках, в них все уже выписано. Их читаешь, и этого достаточно.

- Я слышала такую точку зрения. И не согласна. Понимаете, почему вы так рассуждаете, - современные пьесы в литературном смысле, как правило, довольно слабые, и выигрывают они на сцене. Но пьеса должна быть блистательно написана, и от этого не ухудшится ее постановка у сильного режиссера. Шекспир ведь, правда же, не хуже меня писал. Или Островский - это гений в литературном смысле.

- Вы считаете себя творцом от Бога?

- Что-то вы такие вещи говорите... Я считаю, что комплекс гениальности у меня уже прошел. Когда живешь в мире, где ты лишний как личность, где то, что ты пишешь, не похоже ни на кого, где тебя просто не принимают, - это здоровое, совершенно необходимое для выживания чувство. Но это детский комплекс, и я его переросла. Я считаю, что мне дан определенный талант. Не знаю его размера, ценности в категории мировых талантов, но мне его вполне хватает, знаете, так хватает...

- Тяжело с ним?

- Что вы! Я ведь только носитель, а сама по себе - просто милая стареющая женщина, нищая, с совершенно дурацкой личной жизнью, потому что склонна к эпатажам, вредящим мне же. Я только носитель. Четко это поняла и знаю, что ко мне это не имеет ни малейшего отношения. Мало того, еще может расплата прийти, как пришла к Гоголю.

- Вы не думали, за что вас так наказали или, наоборот, одарили?

- Меня одарили. Безусловно. Правда, не знаю, почему они женщину выбрали. Я считаю, что мужчина духовно выше женщины. Это несколько не ущемляет мое собственное достоинство. Ну, вот такой эксперимент произвели - выбрали меня. Может, потому, что я человек честный: люблю людей, ненавижу все плохое, причиняющее ущерб живому?

- Вы в детстве мечтали стать энтимологом, а откуда узнали о такой профессии?

- У нас были богатые районные библиотеки, я очень много читала - мама приучила. Там я нашла книжку французского энтимолога "Моя охота за бабочками". Она меня совершенно пленила. Несмотря на научные вещи, она увлекательно написана, в приключенческом жанре. Это ужасно красивый волшебный мир: как, например, автор в белой комнате оставляет на ночь открытые окна, входит спустя время, а стены усеяны разноцветными бабочками. Меня только смущало умерщвление этих бабочек. Профессионально я бы никогда не смогла это освоить.

Тот мир привлекал меня таинственностью. Всякие страшные жуки, каракатицы - я их жутко боялась. Собирала, но руками старалась не трогать - ну, какой же я энтимолог! Это любопытство к миру. Такие у меня чудовища жили в банках, не передать. Но при всем уродстве они были дивно хороши. Когда встречаешься глазами с глазами жука, а глаза у него золотые, и он на тебя смотрит и видит, как ты к нему подходишь, - представляете, какой контакт! Но энтимолог - тот, кто коллекционирует и изучает, а я отпускала, чтобы не погибли.

- У вас не бывает ощущения, что вы, когда пишете, протыкаете людей словами, как бабочек - иголками, и кладете в коллекцию, то есть вы стали энтимологом, изучающим человека?

- Во всяком случае, у меня нет научного подхода к этому изучению, нет методики. Я еще и биологом, и зоологом хотела стать. Мечтала заниматься тем, что близко к природе, к жизни. Это из той же оперы, что давнее желание моей мамы стать надсмотрщицей. За рабами. Чтобы не работать, а не то, что ей кнутом хотелось размахивать. Почему-то она ду-

мала, что где-то есть рабы, и видела себя надсмотрщицей. У меня нет системы исследования конкретного человека. Я вообще не исследую конкретного человека, не узнаю о нем, его психике, душе. Я о нем мечтаю, надеюсь, что нужно мне.

- Вам никогда не хотелось побыть наложницей в гареме?

- Хотелось! Сераля, фонтаны... Красиво, странно... Я любила сказки Востока. У меня были книжки азербайджанских сказок, грузинских...

Ее пьесу "Брат Чичиков" по мотивам поэмы Гоголя принял худсовет "Ленкома". Поставят, вероятно. Как уже поставили в театрах Москвы и Санкт-Петербурга "Чудную бабу", "Ехай", "Панночку", "Заря взойдет". Журнал "Глас" опубликовал цикл мистических историй, услышанных ею, когда трудилась уборщицей в театре ради заработка на жизнь. В издательстве "Глагол" готовится к выпуску ее проза. Выступят, вероятно. Ибо она - сосуд для всяческих невероятностей. Ее дом примыкает к усадьбе, где умер Гоголь. Чудится, что она примыкает к Гоголю, неся его в собственной судьбе как путеводную смуту. Кажется, что она обманула сама себя и с минуты на минуту ждет разоблачения. И дверь открывается с любопытством и надеждой: не оно ли пришло?

Какие там картины удивительные! Восток меня увлекал. Сейчас я понимаю, что он яроsten. Вижу, что такое Кавказ в наше время.

- Самой потрясающей книгой вашего детства была - "Дети капитана Гранта", раз вы, второклассницей, даже написали ее продолжение?

- Одна из любимых. Самой потрясающей были "Волшебные сказки",

- разрушитель и пересмешник, это обезьяна Бога, он только искушает вас этим даром и губит.

- Чем вас Гоголь притягивает?

- Это самый российский писатель. Он написал поразительный, небывалый роман - "Мертвые души". Так, как Гоголь, Россию никто не понял. Помните, как Чичиков в гостях у Коробочки втянул носом муху, чихнул, и в

это время - окно открыто - индейский петух, проходивший мимо, что-то ему горячо залопотал. Это такое лето! В этом так много всего. Как бы пустяки быта, которые не замечаешь. Какой надо иметь глаз, чтобы все поймать. Из этого и состоит Россия...

В детстве я к Гоголю спокойно относилась, по-школьному. Лет в 20 сама по себе прочитала "Вия", и мне стало плохо - я полгода боялась, бояла животным страхом. Потом однажды пришел какой-то человек огромного роста - "черный человек" - и стал настаивать, чтобы я написала по "Вию" пьесу. Я говорила: Бог с тобой, этот текст вообще не поддается инсценировке. Но он меня мучил-мучил, и я начала писать.

Так долго погружалась в этот материал, что мне открылась какая-то тайна Гоголя, а потом закрылась, и я забыла свое прозрение. Понимаете, состояние гениальности непостоянно, иначе можно умереть. От меня стало током всех бить. Когда же я читала текст, я физически ощущала, как печатное слово "Вия" углубляется, словно бездонный колодец. Столько смысла в каждом слове, что я могла просто утонуть. Гоголь - самый главный для меня писатель.

- Нина Николаевна, как вы относитесь к своей репутации эксцентричной женщины?

- Она меня гнетет. Потому что на самом деле я человек застенчивый. Все мои выпады - это результат моих страстей. Это взрывы, которые -

единственное утешение - причиняют вред только мне, то есть я не предаю своих положительных качеств, не делаю никому зла.

- А как воспринимаете слухи о себе, например: "Новый любовник Нины Садур лучше молодого Филиппа Киркорова"?

- Я боюсь их. Мне они совсем ни к чему, я же не Алла Пугачева.

- В вашей жизни существует культ мужчины?

- Я подвержена бурным страстям, но не часто - с цикличностью раз в три года. На самом деле это мне нужно для подпитки творчества. Мужчины интересны и ценны в воспоминаниях. Я в него всматриваюсь, разбираю в общих чертах, а потом история заканчивается. К сожалению, я человек по сути своей холодный, несмотря на бушующие во мне страсти. Но это просто страсти, не любовь. Любовь - что-то более христианское. Это жалость о человеке. Жизнь души. Когда ваша душа чувствует его душу.

- Вы дочери своей завидуете?

- Ну что вы! Я так счастлива. Она написала потрясающий роман, его взяли в "Знамя", очень хвалили. Рассказы ее опубликовали в двух альманахах. Ей 21 год. У меня, наоборот, комплекс, что я ей мало даю. Не могу заработать достаточно денег, чтобы дать хорошее образование на Западе или хотя бы тряпок купить побольше.

- На что вы живете?

- На литературные доходы.

- Вас часто обманывают?

- Меня постоянно обманывают. С деньгами. Я, видимо, располагаю к этому: грех не обмануть. Я уже и глаза строю, делаю, причем я не дура, так все просчитаю ловко, а потом выхожу: это не так, то не так. У меня недавно чуть не купили пожизненные мировые права за 1400 фунтов, это всего 2000 долларов - и я чуть не

подписала. От театров получаю совсем не те деньги, которые должна. Это ж мои деньги, я не прошу в долг! Как писать, так они меня уважают, а как платить... Они не понимают, что мне как-то надо жить. Я единственный кормилец семьи. Мама - пенсионерка, дочь - студентка, мужа нет.

- Как вы воспринимаете окружающую действительность?

- Сейчас с ужасом. Что вы, весной буквально под моей дверью убили женщину - все было залито кровью. А через две недели в подвале другая кричала "спасите-помогите". Когда на улицах появились нищие, я отчаялась, особенно при виде детей, просящих милостыню. Ходила в состоянии паники и раздавала все деньги из кошелька. Понимая, что не спасаю их этим. От этого черствеешь и ожесточаешься, а это не лучшее состояние для того, чтобы писать.

- Вы не жалеете о прошлом?

- Оно было страшное. Какие-то разные учреждения должны были читать мои тексты: позволять или не позволять. На цикле рассказов, который сейчас опубликован, писали: "мистика". А какие рецензии я получила на свои рукописи в издательстве: одна - направление в психишку, вторая - в КГБ.

- Ваш отец был профессиональным поэтом. Он на вас сильно влиял?

- Нет, он жил отдельной жизнью. Писал наивные, очень красивые, таинственные стихи. Человек был совершенно повернутый на поэзии. Еще и заядлый рыболов. Ранней весной уезжал на природу с удочками и там творил...

А мама в детстве мечтала быть актрисой. Ее слушала Алиса Коонен! Представляете, мама ее видела! Они приехали в Новосибирск, и после спектакля - кажется, Коонен играла Электру - тринадцатилетняя моя мама отправилась за кулисы и прочитала Коонен отрывок из ее роли. Та прослушала, встала и пошла. А потом к маме приходили с предложением поехать с театром в Москву, но дедушка не пустил. Может, и к лучшему. Потому что она бы приехала, а тут как раз на театр начались гонения.

- Нина Николаевна, вам хочется остаться в памяти народной?

- Да. Народ будет ходить и говорить: Нина Садур! Как с Пушкиным: "Что я тебе, Пушкин?!" Имя классика всегда на устах. Народная память - неверное понятие. Это какое-то другое оставление с народом - через след в культуре. То есть народ может поплевать на меня, но я все равно уже буду, уже осталась...

- Нина Николаевна, как вы относитесь к своей репутации эксцентричной женщины?

- Она меня гнетет. Потому что на самом деле я человек застенчивый. Все мои выпады - это результат моих страстей. Это взрывы, которые -

Беседовала Алла ПЕРЕВАЛОВА.

20

НИНА САДУР

